

2. Фуко, М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

3. Лаврентьева, Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Лаврентьева. – Новосибирск, 2006. – 261 л.

УДК 821.111-31*Х.Данмор:179.6

О. Е. Швайликова

ТРАВМИРОВАННАЯ МАСКУЛИННОСТЬ В РОМАНЕ Х. ДАМОР «И ТОГДА Я СОЛГАЛ»

В данной статье осмысливается понятие маскулинности и его трансформация в рамках исторического и культурного контекста первой половины XX в. на примере персональной истории главного героя романа. Выявляется тесная связь и взаимодействие понятий маскулинность, феминность и гендерная картина мира. Психологическая травма определяется как один из факторов, конструирующих концепт «травмированная маскулинность».

***Ключевые слова:** гендер, гендерная картина мира, маскулинность, феминность, война, травма.*

В современных исследованиях художественных произведений довольно часто на первый план выводится гендерная характеристика художественного образа как важная составляющая, оказывающая влияние на восприятие всего произведения и отдельного персонажа. Понятие «гендер» (gender) ввел в научный дискурс психолог Роберт Столлер в 1960-х гг. с целью провести грань между полом биологическим (sexus) и социальным (gender). В соответствии с определением, данным Американской психологической ассоциацией: «Пол дан от рождения, он относится к биологическому статусу мужчины или женщины и связан в первую очередь с физическими признаками: хромосомами, доминирующими гормонами, анатомией внешних и внутренних органов. Гендер относится к социальным ролям, занятиям, признакам и поведению, которое данное общество считает подходящим для мальчиков и мужчин или девочек и

женщин. Это влияет на то, как люди ведут себя, взаимодействуют с другими и воспринимают себя. Характеристики биологического пола одинаковы в разных культурах, в то время как признаки гендера могут отличаться» [1].

Изначально гендерные исследования получили свое распространение в рамках феминистской критики (Women's studies) и были направлены на изучение женской психологии, а также «женского» языка. Со временем в сфере гендерных исследований выделилась категория «мужского» и маскулинности. Таким образом, феминность и маскулинность стали основными способами реализации гендера.

В рамках данной работы нас будет интересовать трансформация понятия маскулинность в британской культуре как социального конструкта в первой половине XX в. Мы исходим из предположения, что гендер не может существовать вне истории и культуры. В словаре гендерных терминов А. А. Денисовой маскулинность определяется как комплекс «характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола. Другими словами, маскулинность – это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли [2]. Феминность же представляет собой «характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе», такие как «пассивность, отзывчивость, мягкость, поглощенность материнством, заботливость, эмоциональность и т. п.» [2]. Следовательно, родившись, человек приобретает аспекты поведения, определяемые обществом как «мужские» или «женские».

Проведенное выше разграничение между полом и гендером основывается прежде всего на социальных характеристиках мужчин и женщин, однако не отменяет и биологических. Совокупность и тех, и других находит отражение в рамках гендерной картины мира (ГКМ) и приводит к появлению гендерных стереотипов и гендерных ролей. Последние предполагают ожидаемые образцы поведения для мужчин и женщин, в то время как гендерные стереотипы представляют собой «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» [2]. Национальная специфика отдельной страны формирует свою уникальную ГКМ.

В начале XX в. западная культура (в особенности британская и американская) характеризовалась высоким уровнем маскулинной

направленности. Так, в британской культуре господствовала так называемая *гегемонная маскулинность*, субъектом которой являлся белый мужчина, обладающий некоторой собственностью, занимающий определенное положение в обществе и субординирующий женщин, а также представителей небелой расы. Женщина рассматривалась как функция телесного и материнского обслуживания. Мужчине предписывался определенный кодекс поведения: быть «настоящим мужчиной».

Первая мировая война сыграла решающую роль в трансформации понятия маскулинность, запустив механизм смены гендерных ролей. Несмотря на то, что с тех пор прошло около столетия, научные исследования взаимосвязи войн и их влияния на мужскую идентичность появились сравнительно недавно. В ряде исследований утверждается, что в первой половине XIX в. идеал мужественности воина еще не был доминирующим. Хотя к концу XIX в. стал традиционным нарратив о доблестном воине, отправляющемся на войну, и беззащитной представительнице слабого пола, хранящей домашний очаг в его отсутствие и нуждающейся в защите. Взяв за основу вышесказанное, многие государства прибегали и прибегают к легитимации развязывания военных наступательных действий. Политолог Стивен Ван Евера сделал вывод о том, что в Европе на протяжении некоторых десятилетий до начала Первой мировой войны превалировал «культ наступления» (*cult of offensive*), который впоследствии и стал ее движущей силой [3, с. 58]. Вдобавок своеобразную роль сыграла уверенность в возможности быстрого завоевания. Англичане, отправившиеся на фронт добровольцами осенью 1914 г., рассматривали войну как увеселительную прогулку и были уверены, что все завершится к Рождеству.

В военное время образ действий «настоящего мужчины» стал ясным и недвусмысленным – записаться на военную службу и отважно сражаться. Солдат являл собою воплощение истинного мужества. В свою очередь, тех, кто отказывался по каким-либо причинам надеть униформу цвета хаки, называли малодушными, трусливыми, недостойными звания мужчины. Подтверждение вышеизложенному можно найти в словах главного героя Р. Олдингтона в романе «Смерть героя». Джордж Уинтерборн, вернувшись на фронт после проведенного отпуска в Англии, глядя на своих сослуживцев, восклицает: «Вот это – люди. Есть в них что-то глубоко мужественное, какая-то большая чистота и

притягательная сила <...> Они побывали там, где никогда не бывали ни одна женщина и ни один слюнтяй, таким бы там не выдержать и часа» [4, с. 265–266]. Р. Олдингтон в данном случае художественным способом закрепляет традиционные воинские ценности: настоящий мужчина – воин/солдат.

Вероятно, таким же доблестным воином был на поле боя и Дэниел Брануэлл, герой романа Х. Данмор «И тогда я солгал...». Вернувшись домой после войны, рядовой ощущает полное одиночество в этом новом и враждебном мире. Его друг детства Фредерик погиб на войне, мать умерла от болезни, пока он воевал. Ему негде жить, дом забрали за долги. Единственный человек, который посочувствовал горю молодого парня и разделил с ним кров и пищу, это Мэри Праско. Но и она вскоре умирает, а Дэниел не может рассказать об этом никому. Так же как и не может рассказать о многом, что происходило с ним на фронте. Слишком много смертей произошло за недолгий срок его жизни, и он предпочитает солгать, так как не в состоянии словесно выразить свои чувства.

Трансформация понятия маскулинности героя, бравого солдата, вынесшего тяготы военной жизни, но неспособного адаптироваться к условиям мирной жизни, в романе происходит в первую очередь под влиянием табуирования психологической травмы. Военный невроз, а также снарядный шок (shell shock), или истерия, во время войны рассматривался медициной в основном как исключительно феминное явление и даже ассоциировался с трусостью. С широким распространением данного заболевания, воюющие стороны начали опасаться, что солдаты воспользуются возможностью избежать воинской службы, поэтому данный вопрос всячески замалчивался.

Наличие психологической травмы в романе не озвучивается героем. Травма показывается через образ жизни персонажа. Дэниела не оставляет чувство вины из-за смерти товарища, он винит себя в его гибели и не способен избавиться от преследующих его навязчивых видений. Фредерик приходит к нему ночью и встает у основания кровати: «... с головы до ног покрытый засохшей грязью... Он ничего не говорит. Иногда мне хочется, чтобы он нарушил безмолвие, но потом я пугаюсь того, что он скажет. Я чувствую запах грязи. Эту вонь невозможно забыть. Густую, вязкую, отдающую дерьмом и гниющей плотью, порохом и хлорной известью. Он сам вымазался этой грязью. Замаскировался. Он может оказаться кем угодно, но я знаю, кто он такой» [5, с. 7–8]. Запахи являются неотъемлемой частью видений и сновидений героя.

Однажды ему снится, что он нюхает подаренный ему букетик бархатцев: «Я подношу их к самому носу. Аромат у них пряный и резкий. Я держу их у носа, потому что, когда у тебя есть бархатцы, не хочется нюхать больше ничего <...> нужны сотни и тысячи бархатцев... или миллионы... даже если зарыться в них... все равно вонь будет проникать сквозь...» [5, с. 89]. Содержание данных отрывков подчеркивает, что в литературе о войне характерные для нее физические аспекты, а также телесность важны сами по себе. Присутствующий запах вони свидетельствует об отвращении, вызванном войной в душе героя.

Телесность кажется вездесущей в картинах травмированного сознания, рисуемого в воображении героя. Мысли о Фредерике, кажущиеся безопасными при свете дня, приобретают свою дальнейшую жизнь. Рассматривая возделанный и засаженный участок Мэри Праско, Дэниел видит жабу, которых во Франции было бесчисленное множество. Внезапно в его сознании появляется картина, как он запускает кусок гранита в жабу и наблюдает за тем, как из ее беспомощного тельца торчат передние лапки. Но более всего его пугает вид детей: «Передо мной возникают страшные картины. Я вижу, как ребенок падает со скалы и одежонка на нем треплется. Вижу, как ребенок лежит на земле, весь в крови, с переломанными костями» [5, с. 36]. Казалось бы, что находясь вдали от ужасов фронта на фоне природы, герой должен испытывать моменты спокойствия, однако Дэниэлу сложно оставаться наедине с самим собой, со своими мыслями. Хуже всего оказаться в толпе: «На Терк-стрит мне кажется, будто каждое существо носит личину. Их кожа – словно завеса, скрывающая внутренности и сырую скользкую плоть. Я вижу, как трескаются и разламываются их кости. Вижу, как сквозь бедро или локоть выпирает зубчатый обломок. Вижу, как тела взлетают в воздух и, разорванные на куски, падают на землю» [5, с. 36].

Вышеприведенные картины служат иллюстрацией присутствия телесности военного времени в мирной жизни героя, чье сознание не выдерживает напряжения и разверзается. Уязвимость человеческого тела – вездесущая телесность солдата – простирается от окопов Западного фронта до Корнуолла, нынешнего местопребывания Дэниэла. Герой не осознает, что находится под воздействием военного невроза, хотя на подсознательном уровне это ощущает. К такому выводу мы приходим на основании анализа героем своих мыслей в следующем отрывке: «Эти картины меня пугают. Они

слишком яркие и отчетливые, гораздо ярче, чем день вокруг меня. Они вспыхивают в моем мозгу, словно разрывы снарядов, и оставляют свои отметины» [5, с. 36]. Такое сравнение не является случайным, на наш взгляд, изначально происхождение военного невроза приписывалось последствиям, вызываемым разорвавшимся снарядом.

Немаловажным аспектом трансформации маскулинности стал также тот факт, что с началом войны женщины пришли на смену мужчинам на фабрики и заводы, тем самым, обрели некоторую финансовую самостоятельность и осознали свой гендер иначе, чем в довоенный период. Это связано в первую очередь с культурными, экономическими и технологическими факторами, сопровождавшими исторический процесс.

Возделывание участка и разведение кур определенно не являются проявлениями маскулинности настоящего мужчины, и это совсем не те занятия, которыми бы пристало заниматься воину, вернувшемуся с войны. Тем не менее, это единственный способ для героя прокормить себя. Копаясь на клочке земли Мэри Праско, Дэниел мысленно беседует с Фредериком: «Не знаю, что сказал бы он, увидев меня здесь <...> Он бы не понял, как мне повезло. Бывшие солдаты торгуют спичками, щетками для пыли и разными шкатулками по всему Лондону, бродя от дома к дому или сидя на углах улиц» [5, с. 34]. Ведение домашнего хозяйства, до войны являющееся исключительно привилегией женщин, в данном случае становится основным способом пропитания для «настоящего мужчины», защищавшего честь Родины в бою. Более того, Дэниел считает, что он более удачлив, чем остальные, которым приходится буквально выторговывать кусок хлеба.

На примере романа Х. Данмор мы видим, что гендерный аспект играет важную роль при создании художественного образа. Автор в соответствии со своими представлениями о маскулинности и феминности, гендерными стереотипами британской культуры первой половины XX в., носителем которой является, конструирует образ главного героя романа. Приходим к выводу, что вследствие переосмысления идеалов маскулинности, заданных западной культурой в первой половине XX в., наблюдается взаимодействие между категориями «феминности» и «маскулинности», их взаимное влияние друг на друга. В результате утраты мужчинами присущих им ранее признаков мужественности, появляется травмированная маскулинность.

Список использованной литературы

1. Understanding transgender people, gender identity, and gender expression [Electronic resource] // American psychological association [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.apa.org/topics/lgbtq/transgender-people-gender-identity-gender-expression>. – Date of access : 11.11.2023.

2. Словарь гендерных терминов / Н. И. Ажгихина, С. Г. Айвазова, Т. В. Барчунова и др. ; Под ред. А. А. Денисовой; Регион. обществ. организ. «Восток – Запад: Женские Инновационные Проекты» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.owl.ru/gender>. – Дата доступа: 12.11.2023.

3. Van Evera, S. The cult of the offensive and the origins of the First World War / S. Van Evera // The MIT Press. – 1984. – Vol. 9, No. 1. – Pp. 58–107.

4. Олдингтон, Р. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 1. Смерть героя: Роман; Рассказы; Стихотворения. Пер. с англ./Сост., вступ. статья М. Урнова; Коммент. М. Урнова, Д. Шестакова, Г. Ионкис. – М.: Худож. лит., 1988. – 559 с.

5. Данмор, Х. И тогда я солгал: [роман] / Х. Данмор; [пер. с англ. А. Волкова]. – СПб.: Аркадия, 2019. – 288 с.

УДК 11'371'42:070(=581):070(=111)

Niu Wenjuan

THE CONCEPTS “NEWS” AND “VIEW” IN THE NEWS COMMENTARY (ON THE MATERIAL OF THE CHINESE AND BRITISH PRESS)

This article is devoted to the study of the concepts “news” and “view” and means of their linguistic objectification in news commentaries on the material of non-closely related languages. In the course of the study, the core and the periphery of these concepts in Chinese and English-language news commentaries are identified. The features of verbalization of the nominative fields of the concepts “news” and “view” in the context of mass media discourse have been found out.